

Часть VII.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ НА «ПОСТИЖЕНИЕ» ДРУГОГО

М. Ф. Николаева (РГПУ, Санкт-Петербург)

**Динамика образа врага в советском плакате (1917–1941)
и модели идентичности советского человека**

Идентичность советского человека, как она может быть воссоздана посредством анализа символического пространства советского (в первую очередь, политического) плаката, представляет собой надэтничный, макросоциальный конструкт. Это конструирование принадлежности к надэтнической культурной общности, обозначаемой как «советские люди», однако в создании такой символической общности могут использоваться и социальные («буржуй»), и национальные («польский пан») стереотипы.

Советский политический плакат имел обширные возможности для распространения официальной идеологии среди широких масс. В то же время необходимость оперативно реагировать на текущие события и в краткие сроки визуализировать политический лозунг заставляла художников-плакатистов использовать имеющийся у них дореволюционный опыт и опираться на существующие иконографические традиции. Громадные объемы плакатного производства, наряду с принципиальной многозначностью изобразительного образа, затрудняли трансляцию четкого идеологического посыла, размывая его, давая простор для интерпретации плакатного рисунка зрителем, не обладавшим твердым знанием генеральной линии партии. Именно предшествующий зрительский опыт аудитории (в первую очередь городской) помогал ей адекватно идентифицировать плакатные типы.

Можно выделить два основных направления идентификации, реконструируемой на основе анализа массива плакатных текстов: 1) модель выстраивания «ментальной карты» окружающего пространства (здесь большое значение имеет как качественное наполнение этого пространства, так и представление о его границах); 2) модель идентификации, направленной на себя. Во втором случае, в свою очередь, необходимо обозначить два варианта: 1) идентификация на основе плакатного образа героя, совмещающая противоречивые аспекты: коллективность, например, конструирование принадлежности к определенному классу, и героическую индивидуальную самореализацию, противопоставляемую повседневному, обыденному существованию; 2) негативная идентификация, идентификация «от противного», то есть определение собственного образа на основе образа врага.

К сквозным иконографическим типам врагов в советском плакате относятся такие образы, как «буржуй», «белогвардеец», «польский пан», «фашист», «интеллигент» и т.п. Рассмотрим два из них.

Первый – корпулентный господин во фраке, цилиндре и галстук-бабочке с такими распространёнными дополнительными атрибутами, как цепочка на животе, сигара, туго набитые мешки и паучья сеть за спиной (образ, заимствованный из брошюры В. Либкнехта «Паук и мухи». См.: Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994) – можно условно обозначить как «буржуй», хотя тот же набор изобразительных штампов мог обозначать и кулака, и священника, и западную страну (например, Германию), и фашиста (плакаты В. Дени). Предшественником советского «буржуя» можно считать образ капиталиста в цилиндре и с сигарой во французской графике периода Великой Французской революции. Иконографический тип «буржуй» уже в первые послереволюционные годы становится в большевистском плакате основой для формирования подтипа «кулак». Этот подтип широко использовался на протяжении 1920-х гг. Он слегка пошатнулся в начале 1930-х гг., когда ему был нанесен удар в сталинской речи о партийных работниках в деревне (на короткое время возобладали рисунки, где тип «кулак» заимствовал свои черты не у «буржуя», а скорее у «бюрократа» – одной из вариаций типа «интеллигент»), однако позже иконографический подтип «кулак» был восстановлен.

Плакатный образ «интеллигент» также относится к числу легко узнаваемых, но опирается на несколько разных иконографических типов и включает такие атрибуты, как длинные волосы и свободно повязанный галстук или бант на шее. После февральской революции 1917 г., за которой последовал краткий период «интеллигентократии», «либеральный» вид стал повальной модой. В раннем советском плакате такие детали внешнего облика, как длинные волосы и очки, прочно закрепились за изображением эсеров и меньшевиков. На протяжении 1920-х гг. политическому плакату приходилось обслуживать множество мелких и крупных кампаний: борьбу с голодом и разрухой, ленинский призыв в партию, партийные чистки, борьбу со спекуляцией, бюрократией и т.п. Для визуализации образа «бюрократа» чаще всего использовались черты типа «эсер». Выработанные для характеристики образа бюрократа черты с успехом применялись в дальнейшем для визуализации таких немаловажных, но с трудом дифференцируемых типов, как «продажный журналист» или «классовый враг в колхозе». Ирония в том, что культурный тип «интеллигент» стал в советской культуре 1920-х – начала 1930-х гг. средоточием «мелкобуржуазного», «индивидуалистского» мировоззрения, то есть «мещанства», в оппозиции к которому сформировалось само понятие о российской интеллигенции.

**«Советский человек»: конструирование и деконструкция
под контролем НКВД**

Дискуссии современных ученых о феномене *homo soveticus* позволили сформулировать оригинальные концепции («большой сделки» В. Данэм, «советского идентитета» Й. Хеллбека, «советского активизма» А. Оболонского, «генеалогии советской личности» И. Хархордина, стратегий выживания «маленьких людей» Ш. Фицпатрик и др.).

Учитывая результаты исследований российских и зарубежных учёных, необходимо рассмотреть одну из самых сложных проблем советской истории – существование человека в условиях массовых политических репрессий. Для ее исследования наиболее информативны материалы судебно-следственных дел, сфабрикованных НКВД в 1930-е гг. Кроме официальных документов в них содержится комплекс источников, отражающих все аспекты отношений советских людей с властью и согражданами: доносы, заявления, кассационные жалобы, письма к лидерам государства и др. Особенно ценны «вещественные доказательства», изъятые во время обысков – частные письма, дневники, тетради и блокноты с «контрреволюционным фольклором», книги, фотографии, плакаты с изображениями советских вождей, по отношению к которым «были произведены хулиганские действия», листовки и др. Материалы судебно-следственных дел позволяют рассмотреть, каким образом сотрудники НКВД получали необходимые им «добровольные» признания арестованных и, напротив, что позволяло арестованным выдерживать моральное и физическое давление. Кроме того, в документах содержатся свидетельства отношения к аресту человека его родных и друзей, коллег и соседей. Рассмотрение политического террора как социального насилия с акцентом на личностное участие позволит выяснить особенности процесса самоидентификации советских людей в 1930-е гг.

Террор, являясь фактором повседневности, создавал в стране два мира – иллюзорной свободы и абсолютной несвободы, границы которых были невидимы и подвижны: каждый человек неожиданно мог оказаться в «другом» мире. Многие находились в постоянном ожидании ареста, а «сознательные советские граждане», разделяя официальную теорию об обострении классовой борьбы, с энтузиазмом помогали власти раскрывать «контрреволюционные и шпионские организации». Власть, официально одобряя недоверие, подозрительность, предательство и жестокость, создавала атмосферу оправдания всех аморальных поступков абстрактными идеалами «светлого будущего», «советского патриотизма», «революционной законности» и «политической бдительности». Амбициозные исторические перспективы предопределили создание особых маркеров социальной стратификации, основными категориями которой стали «бывшие» и «новый советский человек». В ситуации политических репрессий противопоставление данных двух

категорий оказывается проблематичным, поскольку «не нашими» объявляются все, кто критически относится к происходящему, сохраняет смелость говорить правду о некачественных обедах в заводской столовой, о дефиците продуктов питания, о некомпетентных руководителях предприятий, о предательстве И. Сталиным ленинских заветов...

Многие современники осознавали роль осведомителей НКВД – как добровольных информаторов, так и секретных сотрудников. Наиболее информированные убежденно критиковали НКВД за систематическое материальное поощрение агентов, главной задачей которых являлось создание фантомов врагов. В письмах, адресованных в центральные органы, авторы, характеризуя подозреваемых ими людей, использовали такие выражения: «Он враг республики, враг рабочего класса...»; «Сомневаюсь, что он большевик...»; «Заверяю, что это чужой человек... для нашего строительства»; «Это далеко не советские люди...».

Второй этап конструирования «врагов» и «советского человека» происходил в застенках НКВД. Сначала стремились внушить, что они знают об арестованном только положительные отзывы, однако «интересы государства требуют...», «признания нужны для разоблачения настоящих врагов», «для блага Родины», для предъявления претензий «враждебным государствам». В документах имеется множество свидетельств, как вокруг человека, вызвавшего подозрения НКВД, создавалась атмосфера отчуждения. Современники указывают, что такое отношение казалось естественным, «ведь каждому в советской стране известно: просто так у нас не сажают».

В противовес этому народная молва, сами обвиняемые, их родственники, друзья в кассационных жалобах и заявлениях о пересмотре приговора утверждали, что осужденные были истинными коммунистами, активными участниками социалистического строительства. Начальники управлений НКВД из разных регионов передавали сведения о том, что распространяются «контрреволюционные» слухи, оправдывающие или восхваляющие «врагов народа». Огромное значение в том, что некоторые из современников начинали верить в реальность преступлений и справедливость наказаний, имели личные признания обвиняемых. Поэтому следователи НКВД добивались признаний любыми средствами, цинично используя патриотизм оказавшихся в их власти советских людей.

Е. Л. Ситникова (Воронежский ГУ)

Метаморфозы восприятия СССР в США в начальный период холодной войны (1945–1952 гг.)

Восприятие Советского Союза в США в 1945 г. было неоднозначным. Еще с 1917 г. специфика его заключалась в амбивалентности, в основе которой лежали образ русского народа, имевшего многовековую историю и богатую культуру, и образ коммунистического правительства, как считали в США, враждебного и недолговечного по своей сути.

До 1941 г. в Соединенных Штатах в отношении СССР доминировали антикоммунизм и неприятие.

Вступление во Вторую мировую войну заставило две державы стать союзниками и, как следствие, изменить представления друг о друге. К 1945 г. в США сложилось положительное восприятие СССР, что явилось результатом планомерного формирования Белым домом образа союзника. Советское правительство во главе со Сталиным в глазах американской общественности приобрело черты мудрого руководства, а советский народ – героической нации. Однако победа союзников не означала безоговорочного продолжения сотрудничества.

Администрация нового президента США Г. Трумэна не ставила своей целью подкрепление и после войны позитивного восприятия СССР внутри страны. На этом фоне нараставшее напряжение в советско-американских отношениях трактовалось в США исходя, якобы, из враждебности политики Кремля. Окончательный поворот к конфронтации в отношениях бывших союзников, определивший начало холодной войны, произошел в 1947 г. и предопределил трансформацию восприятия СССР в США.

В 1947 г. Советский Союз изображался в речах официальных лиц и прессе Соединенных Штатов агрессивно настроенным государством в отношении всего капиталистического мира и США в частности. СССР, якобы, стремился к военному, идеологическому или политическому подчинению максимально возможных территорий, либо народов. По мнению большинства американцев, исходя из этих целей, он препятствовал восстановлению прочного мира и намеревался опорочить бескорыстные мотивы США как защитника свободы и демократии. Война для советского правительства, будучи средством воплощения в жизнь коммунистической идеологии, являлась осознанным будущим, к которому оно готовилось. При этом советские люди американцами назывались «русскими». Они, как считали в Соединенных Штатах, не имели в своей жизни никакой альтернативы. В условиях отсутствия гражданских прав и свобод советское население в своих мыслях и действиях было полностью подконтрольно партийному руководству. Граждане СССР, однако, все еще ассоциировались у американцев с героями, добившимися ценой огромных потерь решающих побед во второй мировой войне. Русский народ, по мнению большинства американцев, не хотел войны, к которой стремилось его правительство.

В этот период восприятие СССР складывалось на основе интерпретации внешнеполитических акций и заявлений советского правительства, его международной линии. При этом информации, характеризующей советский народ, в США было крайне мало. Недостаток информации о жизни за «железным занавесом» и, вместе с тем, трактовка в США каждого внешнеполитического шага Москвы как агрессивного приводили к постепенному отождествлению образа советского народа с образом его государства.

В 1948 г. в Соединенных Штатах произошел поворот в восприятии советского народа, который начал превращаться из жертвы, терпящей притеснения со стороны правящей элиты, в апатичного виновника существования агрессивного правительства, ответственного за антидемократическую и порой преступную политику. Образ СССР становился все более цельным. Политика Советского государства стала восприниматься в США исключительно как агрессивная и перекрыла в итоге положительные качества русского народа. В США активно обсуждались планы по уничтожению советского режима, которые не могли быть реализованы без уничтожения его населения. Монолитность образа СССР делала его однозначным, более простым для понимания и удобным для применения.

Образ Советского Союза приобрел в 1948 г. черты врага и был необходим Белому дому для одобрения конгрессом, средствами массовой информации, бизнесменами, военными, общественными организациями и большинством населения Соединенных Штатов внешнеполитической стратегии Вашингтона.

В начале 1950-х гг. в американском обществе сложился антикоммунистический консенсус, ставший показателем того, насколько образ врага укоренился в массовом сознании Соединенных Штатов. Высшее руководство США, принимавшее активное участие в его формировании, оказалось неспособным к объективному восприятию Советского Союза и его политики. Трактовка действий СССР исключительно с позиции их враждебности делала более понятными в Белом доме дальнейшие перспективы взаимоотношений Вашингтона и Москвы, однако служила при этом разжиганию холодной войны.

Кристаллизация образа СССР как врага происходила на фоне ухудшавшихся советско-американских отношений. Эволюция образа Советского Союза в США 1945–1952 гг. заключалась в его трансформации от позитивного к негативному и являлась отражением начавшейся холодной войны.

О. Д. Куликова (Ярославский ГУ)

США и американцы в зеркале французского общественного мнения в начале холодной войны

Во Франции очень сильно влияние общественного мнения на политическую жизнь. Особенно в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда широкое распространение получила теория ангажированности, провозгласившая личную ответственность каждого человека за все, что происходит в мире. В этой связи интересен вопрос о распространении во Франции антиамериканских настроений, оказавших определенное влияние на внешнюю политику страны в начале холодной войны.

Причин неприязни к США было несколько. Первое – мировоззренческие, культурные различия двух народов. Среди части французов

бытовало мнение о презрительном отношении американцев к европейцам. Но и сами французы свысока смотрели на «малокультурных» американцев. Ж.-П. Сартр осуждал «конформизм американцев, их шкалу ценностей, их мифы и фальшивый оптимизм», попытки закрыть глаза на трагические стороны жизни (Полторацкая Н. И. Большое приключенное благовоспитанной девицы. Книги воспоминаний Симоны де Бовуар. СПб., 1992. С. 151). Редакция «Монд» отмечала, что не испытывает никакой симпатии к сталинскому режиму, но «еще сильнее ненавидит американскую цивилизацию» (Chebel d'Appollonia A. Histoire politique des intellectuels en France. 1944–1954. Bruxelles, 1991. Т. 2. Р. 128).

Сыграл свою роль и бытовой момент. Французские газеты в 1945 г. были полны сообщений о преступлениях американских солдат, расквартированных во Франции. Париж в прессе того времени называли «вторым Чикаго», что не добавляло симпатий к «освободителям».

По мнению А. Верта, в антиамериканских настроениях повинна политика США по отношению к Франции. Вашингтон настаивал на перевооружении Германии; французов возмущало вмешательство США в дела Марокко и Туниса (добавим от себя – и Индокитая), а так же «безрассудное поведение» американцев во время войны в Корее, которое снижало шансы на «урегулирование вопроса»: существовала опасность начала ядерной войны из-за Кореи. Многие французы связывали мир в Корее с установлением мира в Индокитае, где шла колониальная война. Многие современники и историки считали, что для Франции 1948–1949 гг. стали «ужасными годами зависимости и бессилия» под американским диктатом не только в политической, экономической, социальной, но и в культурной сфере. А по мере обострения политической борьбы в стране США все больше ассоциировались с правой политикой и идеологией, а СССР, соответственно, с левой. Многие французы переносили свои внутренние политические противоречия на отношение к этим странам.

В 1947–1948 гг. во французской прессе активно обсуждалось принятие плана Маршалла. Некоторые журналисты рассматривали план как первый этап вассализации Европы, как подготовку в «маршализованной» Европе плацдарма для будущей мировой войны с СССР. Журналисты справедливо полагали, что план Маршалла может стать средством, с помощью которого Европа будет втянута в атлантический блок, а Франция подпадет под военно-политическое влияние США. Экономические меры, предлагаемые Белым Домом, предупреждали аналитики, подчинены внешнеполитическим интересам США.

С началом холодной войны политика Вашингтона квалифицировалась как агрессивная, практически все действия США рассматривались в контексте доктрины Трумэна, как звенья политики холодной войны. Попытки установить «глобальное урегулирование» с помощью атомной политики однозначно осуждались во Франции. Журналисты большую часть ответственности за развязывание холодной войны возлагали на США. Внешняя политика Белого дома трактовалась как курс,

направленный на «руководство миром», или то, что сами американцы называют «исторической миссией».

Летом 1950 г. началась война в Корее, и никогда еще за послевоенные годы не возникло у европейцев такого сильного страха перед началом третьей мировой войны. Левые издания высказывались еще более жестко. Так, влиятельный журнал «Эспри» называл американцев дикарями, расистами и сравнивал их с германскими нацистами.

Очередной всплеск антиамериканских настроений во Франции был связан с «делом Розенбергов», по свидетельству современников, «разделившим Францию». А. Верт свидетельствует, что компания в защиту Розенбергов превратилась в «почти общенародное движение». Их казнь в 1953 г. восприняли во Франции не иначе, как убийство (Верт А. Франция 1940–1955. М., 1959. С. 524–525).

Война в Индокитае стала еще одним вкладом во французский антиамериканизм. В общественном сознании именно американцы, настаивавшие на продолжении военных действий и консультировавшие французские власти относительно военных операций, несли большую часть ответственности за поражение Франции.

Антиамериканские настроения, царившие среди части французов, сделали из Франции очень «неподатливого» союзника США в холодной войне. Даже сторонники атлантизма осуждали многие действия США, особенно, когда интересы Белого дома пересекались с интересами Парижа. В этом смысле большинство французов оставались националистами.

Г. Н. Канинская, О. Н. Шанина (Ярославский ГУ)

СССР и Великобритания в середине 1950-х гг. глазами друг друга (по материалам периодической печати)

В последнее время в историографии возрос интерес к изучению образа Другого (другой страны, другой нации) и его влияния на взаимоотношения между государствами, особенно если мы говорим о таком многогранном феномене, как холодная война, нашедшая свое воплощение не только в политической, но и культурной и идеологической областях. В данное время СМИ насаждали в общественном сознании полярные образы врага и союзника в строго разграниченном биполярном мире как по ту, так и по эту сторону железного занавеса. В 1950-е гг., когда телевидение еще только начинало свое становление, большую роль в формировании «правильного» общественного мнения играла периодическая печать, а в СССР еще и политическая карикатура.

Ярким примером вышесказанного служит образ Великобритании, главной союзницы США на европейском континенте, созданный в Советском Союзе в середине 1950-х гг. и нашедший отражение в журнале «Новое время» и газете «Правда». Для Великобритании образ СССР внедрялся в общественное сознание англичан через ежедневное старейшее и одно из главных периодических изданий в стране, газету «Таймс».

Наиболее отчетливо основные черты созданных в СМИ образов можно проследить в русле оценки двух важных и противоположных по своему характеру международных событий – конфронтации по поводу включения Западной Германии в Европейское Оборонительное Сообщество и, наоборот, первой послевоенной встрече бывших союзников по антигитлеровской коалиции на высшем уровне в июле 1955 г. в Женеве.

Для Великобритании, чья внешняя политика еще с XIX в. определялась островным положением, проблема ЕОС не стала главенствующей. Но несмотря на это, английская периодика не могла совсем обойти столь важный вопрос, тем более что была связана с ЕОС вспомогательным договором. В статьях, посвященных ЕОС, постоянно подчеркивалась общность интересов Великобритании и США, их личная заинтересованность в создании ЕОС, но приоритетность нахождения в НАТО, которая может быть единственным гарантом сохранения баланса сил на европейском континенте. Что касается отношения к СССР в контексте данной проблемы, то английская пресса поддерживала в массовом сознании ощущение постоянной русской угрозы на континенте, называя одной из целей достигнутого дипломатического компромисса усиление защиты Западной Европы от превосходящего веса русских войск. А ответ на ключевой вопрос, действительно ли советские ноты предлагают что-то существенное, касающееся объединения Германии, что могло бы убедить западные державы отложить подписание договора, звучал на страницах «Таймс» отрицательно, так как объединение Германии может произойти только после проведения свободных выборов на всей территории, на что не согласен СССР. Следовательно, ЕОС на данный момент являлся единственным возможным вариантом решения германского вопроса.

В Советском Союзе, наоборот, линия, связанная с ЕОС, являлась одной из важнейших во внешней политике 1954–1955 гг. Главное внимание было обращено на три страны: Западную Германию, Францию и Англию. Причем первостепенной проблемой для СССР являлась обстановка именно в Западной Германии. Нужно было не допустить ее включения в капиталистический блок. Великобритания же интересовала СССР лишь в рамках двух вопросов: создание ЕОС и проблема вооружения. Англия подавалась как приспешница Соединенных Штатов, «Атомный авианосец» США или младший партнер (в уничижительном смысле), который потерял былую самостоятельность в своей политике. А поддерживаемый ею договор о ЕОС – возрождение немецкого вермахта.

Что касается Женевского совещания, то оба государства были единомышленны в своем стремлении создать через прессу ощущение международной разрядки, в распространении которой они видели главную цель конференции, всячески подчеркивая радушную и расслабляющую атмосферу первой послевоенной встречи глав правительств. Советская пропаганда пошла еще дальше английской по пути создания виртуального пространства, именуемого «Духом Женевы», вкладывая в него следующий смысл: это дух взаимопонимания, дух переговоров. Это – отказ от политики диктата, от политики с позиции силы, это – стремление исключить

войну как метод решения спорных вопросов, искать и находить мирные пути урегулирования назревших международных проблем.

Изучив публикации газет «Правда» и «Таймс» середины 1950-х гг., можно выделить две основные линии в пропаганде. Это линия, направленная на формирование и поддержание в массовом сознании образов друг друга как врагов, когда дело касалось урегулирования германского вопроса, а вторая – на создание атмосферы разрядки в международных отношениях после Женевского совещания. Причем важно заметить, что обе эти противоположные тенденции не были разграничены во времени и существовали одновременно.

А. А. Благин (Ярославский ГУ)

«Свои и чужие» в английских шпионских романах 1950–1960-х гг.

Одной из центральных проблем в сфере изучения идеологии эпохи холодной войны в настоящий момент стало исследование особенностей формирования взаимных образов – «образа другого», «образа врага», дихотомии «свои – чужие», а также представлений и стереотипов эпохи, игравших важную роль в создании общественного мнения, консолидации нации в борьбе за утверждение необходимых ценностей.

Предмет нашего исследования – образ Советского Союза в 1950–1960-х гг. в «шпионских» романах популярных писателей Великобритании: Яна Ланкастера Флеминга, автора романов о Джеймсе Бонде, Джона Ле Карре, создавший «Шпиона, пришедшего с холода», «Война в зеркальце» и др., Лена Дейтона с его «Досье Ипкросс», «Берлинские похороны». Менее популярными в мире, но знаменитыми в самой Британии были Кен Фоллетт («На орлиных крыльях», «Трое») и Алистер Маклин («Последняя граница»).

Причины растущего интереса к произведениям подобного плана лежали, по-видимому, в сложной политической ситуации в период холодной войны. Политическая тема в шпионском романе неизбежно вызвала политическую оценку, выражавшуюся либо непосредственно, либо через синтез с психологической, эстетической проблематикой.

«Мир чужих» в британском обществе формировался, прежде всего, вокруг образов ирландцев, французов, голландцев. Далее находился «широкий» окружающий мир, в котором периодически возникали значимые для английского сознания первообразы «других». Россия воспринималась как суровая северная страна, лишенная стремления к свободе, тотально зависящая от центральной власти. Основной характеристикой всего связанного с «русским» являлось переходное состояние между «цивилизованным» Западом и «варварским» Востоком, неспособным к восприятию западной культуры, ее цивилизационных норм. И Советская Россия в сознании британцев выглядела олицетворением жестокости, со всяческим пренебрежением к

индивидуальным правам и т.д. СССР в умах британцев выступал не как «другой», «чужой» или «союзник», а в качестве потенциального врага (Braithwaite R. Russophobia in Britain // Россия и Запад: исторический опыт XIX–XX веков. М., 2008. С. 247-254).

Каждый из названных авторов по-своему изображал «своих» и «чужих». Помимо этого, шпионские романы второй половины XX в. отличались по качеству, содержанию, степени правдивости и достоверности. Часть произведений создавалась для «среднего» человека, поскольку не каждый хотел читать длинные научные труды по политическим, экономическим и другим проблемам, даже имея на это время. Я. Л. Флеминг в гротескной форме описывал вымышленные истории о противниках Великобритании и ее героев в период холодной войны. Положительным персонажем выступал агент британской разведслужбы Джеймс Бонд. Его исключительно героический образ воплощал в себе социальные ценности западно-либеральной системы. В ином виде представляли противники главного героя: Голдфингер («Голдфингер»), Блофельд («На Тайной службе Ее Величества»). Все имели непритязательный внешний вид, были прямо или косвенно связаны с СССР, выступавшим заказчиком «коварных злодеяний», которые могли погубить западный мир.

Применительно к романам Дж. Ле Карре следует говорить не о конструировании образа «врага», а описании образа «другого», формировании дихотомии «мы-чужие». Особенностью его романов была их гуманистическая направленность, внимание к человеческой жизни, персонажи британской разведки выглядели как обычные люди, подобные своим врагам: «Лимас был коренастым мужчиной с коротко остриженными серо-седыми волосами и фигурой пловца... У него было приятное лицо – мускулистое и с волевой складкой у рта, маленькие карие глаза». Противники главного героя обладали такими же внешними данными «с жестким, непроницаемым лицом, соломенным цветом волос» (Ле Карре Дж. Шпион, пришедший с холода. Л., 1991. С. 5, 6). Каждый из них имел свои идеологию и взгляды.

В романе «Последняя граница» А. Маклин помимо описания внешних особенностей «своих и чужих» приводил рассуждения о причинах идеологического и политического противостояния. Главные герои и антигерои были в первую очередь людьми: «...Покрытое морщинами, усталое лицо человека среднего возраста, обрамленное густыми снежно-белыми волосами. ... В лице было больше доброты, мудрости, терпимости и понимания, чем мог наблюдать Рейнольдс ранее на лицах других людей».

Таким образом, эпоха холодной войны была отмечена еще и войной разведслужб, агенты которых после выхода в отставку пробовали себя на литературном поприще (например, Дж. Ле Карре, Я. Л. Флеминг). Обладая солидным багажом знаний и опытом работы, они создавали произведения, являвшиеся «зеркалом» холодной войны, отражением надежд и разочарований целого поколения человечества.

**Свои – чужие, преступники и жертвы:
вооруженный конфликт в Югославии
в отражении общественного мнения США (1991–1995 гг.)**

На протяжении относительно короткого промежутка времени – периода 1991–1995 гг. – складывание представлений о своем/чужом применительно к ситуации на Западных Балканах претерпело в общественном мнении США существенную эволюцию, что было обусловлено рядом причин. Быстро меняющаяся ситуация в бывшей Югославии требовала незамедлительного реагирования на нее со стороны руководства США, что, в свою очередь, заставляло американскую правящую элиту утверждать и навязывать американскому обществу свое понимание сути происходящего на Западных Балканах процесса и роли в нем отдельных ведущих акторов. Американское правительство не могло действовать без общественной поддержки, но получить ее было крайне сложно, поскольку в американском общественном мнении на тот момент еще не сложилось целостное восприятие конфликтов нового типа и понимание роли Соединенных Штатов в их разрешении.

В период противостояния двух систем наполнение дефиниций свой/чужой было предельно ясным: в качестве чужих понимались прокоммунистические режимы или повстанцы, ведущие борьбу против союзных Соединенным Штатам правительств, а в качестве своих – жертвы коммунистической агрессии, нуждающиеся в американской помощи. Однако крах биполярной системы сделал понятия свой/чужой размытыми. Это хорошо видно на примере Югославии, где в условиях вооруженного этнического конфликта для аутсайдера не всегда легко было определить среди других чужих и своих.

Такое непонимание выразилось вначале в некоторой отстраненности американского общества от югославского конфликта. Анализ социологических опросов, проведенных в тот период Институтом Гэллупа и газетой «The Washington Post», показывает, что лишь 20% американцев пристально следили за развитием событий. При этом лишь небольшая их часть явно поддерживала одну из сторон конфликта. Однако активные пропагандистские действия американских СМИ на фоне масштабных военных преступлений, совершаемых сербской стороной, быстро изменили ситуацию. Шокирующие сюжеты о массовых этнических чистках, изнасилованиях, концентрационных лагерях формировали образы «палачей» и «жертв» порождали ассоциации с преступлениями нацистского режима, прекращение которых сопрягалось в американском общественном сознании с ведущей ролью США в борьбе с нацизмом. Проводимые исторические аналогии и параллели между Сербией начала 1990-х гг. и гитлеровской Германией способствовали восприятию Сербии и боснийских сербов как чужих, а боснийских мусульман как своих. Так, уже в начале 1993 г. более 30% опрошенных

американцев поддерживали боснийских мусульман, прямо считая их жертвами сербской агрессии и в то же время борцами за демократию, свободу и независимость новой мультиэтничной Боснии.

Показательно в этом контексте моделирование отношения американского общества к хорватской стороне. Использование хорватским руководством неонацистской риторики и агрессивная политика Загреб не позволяли рассматривать хорватов и Хорватию как своих, но в то же время их война против сербов автоматически не делала их и вполне чужими. Такая половинчатость обусловила непопулярность «хорватской темы» в пропагандистских практиках американских СМИ.

Созданные образы представляли собой идеологические конструкторы, необходимые руководству Соединенных Штатов для проведения своего внешнеполитического курса на постюгославском пространстве. В отличие от кейса Панамы, Гаити или Северной Ирландии, сама территориальная отдаленность Югославии и отсутствие тесных и постоянных контактов и связей с ней на повседневном уровне не давали американским гражданам возможности выработать альтернативную оценку, идущую снизу, и противопоставить ее официальным оценкам правящих структур.

По свидетельству источников, поддержка американского военного вмешательства на Западных Балканах со стороны американского общества неуклонно возрастала, причем в качестве основного аргумента в пользу готовящейся интервенции называлась именно ее гуманитарная составляющая. В 1994 г. 37% американцев высказались за применение военной силы как единственно возможного средства по предотвращению этнических чисток и прочих нарушений прав человека. В 1995 г. большинство респондентов безусловно поддерживали авиаудары сил НАТО по сербским позициям.

Таким образом, именно оппозиция «свои-чужие» во многом поставила идеологическую основу американской внешней политики на постюгославском пространстве в первой половине 1990-х гг. Уходя своими корнями в эпоху холодной войны, она отныне заключала в себе принципиально новое содержание, актуализируя проблемы демократии и прав человека. В последующем данная отработанная схема успешно использовалась Соединенными Штатами как на самих Балканах, так и в других конфликтных регионах мира.

М. В. Короткова (Нижегородский ГУ)

**«Конструирование региона»
в американских балтийских исследованиях 1990-х – начала 2000-х гг.**

При изучении проблемы необходимо привлечение наработок Ассоциации по Содействию Прогрессу Балтийских Исследований (АСПБИ), координатора балтийских исследований не только в США, но и в целом на Западе, чьи труды отражают широкий спектр мнений ученых по вопросам истории и современности края. Наработки АСПБИ пред-

ставляют интерес для изучения внешнеполитических приоритетов США в отношении Прибалтики, так как организация с момента создания в 1968 г. обеспечивает научную базу американской внешней политики и является своеобразным каналом политико-идеологического влияния США.

В конце 1960-х – 1980-е гг. Ассоциация ограничивала регион «Балтика» тремя прибалтийскими советскими республиками. Основная ставка была сделана на изучение исторических и современных фактов, подтверждавших общность и единство трех наций. Члены АСПБИ выделяли в качестве главного сплачивающего элемента «прибалтийский дух». Разрабатывая вопрос прибалтийской идентичности, ученые, фактически, приравнивали его к проблеме прибалтийского регионализма. Это вызывало одобрение американской стороны, поскольку позволяло США проводить единую политику в отношении Прибалтики и содействовал росту оппозиционных настроений в регионе.

Изменившаяся геополитическая ситуация актуализировала для администрации США проблему балтийского регионализма. Образование суверенных государств в Прибалтике усложнило для США разработку и осуществление курса региональной политики. США были заинтересованы в том, чтобы независимые Латвия, Литва и Эстония присоединились к западным интеграционным структурам как континентального, так и локального масштаба, поэтому в повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре подходов к проблеме. Предполагалось, что основной упор ученые сделают на выявление связующих элементов в более широких географических рамках.

Новации коснулись как геополитических, так и исторических исследований.

В первом случае Ассоциация сосредоточилась не столько на анализе современных процессов, сколько на разработке теоретической базы для дальнейшего развития региона. Регион определялся как «область Балтийского моря», к которой были отнесены государства всего побережья. Границы (как в привычном, так и в новом понимании: между национальным и международным, политическим и административным, общественным и частным) не были четко очерчены, был поставлен вопрос о необходимости изучения изменения значения границ (Е. Берг, М. Филтенборг). Кроме того, АСПБИ настаивала на прекращении поиска унифицирующего элемента (моря или др.), взамен предлагая обратить внимание на подвижные и вариативные сети. Ученые констатировали зарождение в 1990-е гг. нового балтийского регионализма в контексте европейской интеграции и признали область Балтийского моря «центральной фокусом» европейского процесса (в частности, Дж. Уэсли Скотт). Естественно, на начальной стадии приоритет был отдан разработке «символического планирования» и «символической географии». Таким образом, теоретические наработки научной структуры приобретали практическую значимость.

Исторические исследования АСПБИ были нацелены на содействие развитию региональных связей. Дискуссия развернулась вокруг

географических терминов и попыток соотнести их с понятием «исторический регион». Ученые признавали, что «область Балтийского моря», «Северо-Восточная Европа», «Северная Европа» – образы одной и той же территории, но в различных дискурсах. К историческим регионам историки отнесли только «Северо-Восточную Европу», оставив «область Балтийского моря» политикам, а «Северную Европу» посчитав результатом пространственного воображения (Е. Хэкманн, М. Лехти). Данная дискуссия способствовала пополнению и уточнению понятийного аппарата на фоне преобладавшей в американских балтийских исследованиях описательности.

Главными субъектами Северо-Восточной Европы ученые назвали Латвию, Литву и Эстонию. По их мнению, три нации сохранили социальные ценности, аналогичные скандинавским, и общеполитическую идентичность. Поэтому историки-члены АСПБИ (в частности, Е. Хэкманн) склонны считать Северо-Восточную Европу исторической базой для современного «строительства» региона Балтийского моря. Напомним, в предшествовавший период Ассоциация резко пресекала любые попытки обнаружить в истории факты о том, что связи какой-либо из трех республик с другими государствами устойчивее и крепче, чем внутри прибалтийского региона. Это свидетельствует о том, что исторические исследования организации находятся в зависимости от изменчивых внешнеполитических приоритетов США.

Таким образом, в 1990-е – начале 2000-х гг. АСПБИ, ориентируясь на потребности американских внешнеполитических ведомств, готовила, преимущественно, проектные разработки. Организация предложила своеобразный конструктор, который позволял «построить» балтийский регион, достаточно вариативный и гибкий. Не последнее место в нем занимал элемент идентичности, который тоже поддается «конструированию».

Т. А. Трунова (Владимирский государственный гуманитарный университет)

К вопросу о формировании «образа другого» на уроках истории: рекомендации Совета Европы

Преподавание истории в школе является одним из ведущих направлений деятельности Совета Европы. В последние десятилетия в связи со сменой идеологической, социокультурной и образовательной парадигм современного общества особое значение приобрели вопросы межнационального и межконфессионального диалога. Они обсуждались на конференциях, семинарах и симпозиумах, проведенных под эгидой этой европейской организации в Вене (1998 г.), Хабаровске (1998 г.), Праге (1999 г.), Пятигорске (2005 г.), Астрахани (2005 г.), Томске (2005 г.), Якутске (2005 г.), Москве (2005 г.) и Санкт-Петербурге (2006 г.). Поскольку любой диалог предполагает наличие

двух или более субъектов, то вполне закономерно был выдвинут для обсуждения вопрос о том, как эти субъекты воспринимают друг друга и как выстраивают, исходя из этого, свое общение.

Более детально данная проблема обсуждалась в феврале 2006 г. в Якутске на международном семинаре «Образ другого: формирование через межкультурный и межконфессиональный диалог в системе образования». В одном из выступлений было подчеркнуто, что традиционные системы образования складывающихся национальных государств XIX – начала XX вв. в той или иной степени культивировали образ человека другой культуры или этноса как образ более или менее чужака, т.е. «образ чужого». Эта ситуация объяснялась многовековым господством этностереотипов, основанным как на исторической памяти, так и на отсутствии знаний о жизни других народов.

По мнению экспертов Совета Европы, для создания «образа другого» необходимо выйти на понятие «межкультурный диалог». Прежде всего, учителю стоит продемонстрировать учащимся разнообразие вступающих в диалог культур. Для этого целесообразно использовать принцип мультикультурализма, который подразумевает признание иных культур, права людей на иной образ жизни и их положительное отношение к культурным отличиям. Также в процессе преподавания истории важно подчеркнуть равноценность данных культур. Это возможно, если отойти от одномерного изложения событий, когда, например, история страны изучается с точки зрения численно и культурно доминирующего народа, а истории мира – с европоцентристской точки зрения.

Совет Европы полагает, что межкультурный диалог в системе образования должен способствовать, с одной стороны, естественной адаптации представителей молодого поколения малочисленных народов к современной культурной среде, и, с другой, заложить для господствующего этноса позитивный образ другого народа с иной традицией, историей и, возможно, иной конфессией. Если образ чужого – стереотип, основанный на эмоциях, то одной из задач современного образования становится формирование «образа другого», основанное на толерантности и знании культуры, истории, языка другого народа или профессиональной группы.

Совет Европы отмечает, что если до конца 80-х гг. XX в. основной тенденцией во взаимодействии культур было стремление к их синтезу, то с 90-х гг. преобладает плюрализм культур, признание реального многообразия культурно-исторических систем и диалогические принципы их взаимодействия. В связи с этим предлагается сориентировать обучение истории на развитие межкультурной компетенции учащихся, предполагающей: 1) формирование и развитие способности ориентироваться в ином образе жизни и мышления, иной системе нравственных ценностей; 2) развитие способности критически осмысливать чужую культуру и ментальность, сравнивать и сопоставлять с собственным мировоззрением и жизненным опытом, обогащать собственную картину мира новыми знаниями; 3) развитие у школьников готовности к

принятию социокультурного портрета представителей других этносов и конфессий как части мировой цивилизации, готовности к диалогу с ними; 4) формирование таких качеств, как этническая, расовая и социальная терпимость, склонности к поиску способов решения конфликтов без применения силы.

Нельзя обойти вниманием еще два интересных аспекта проблемы формирования «образа другого» на уроках истории. Во-первых, Совет Европы предлагает современному учителю развивать у своих учеников умение «представить себя как другого» – во временном интервале, то есть в прошлом или будущем. Учителю рекомендуется создавать на уроке пространство диалога: между людьми разных исторических эпох и культур по поводу того или иного события; между ними и учеными, изучающими это событие; между ними и нашими современниками; между автором учебника и учащимися; между мнением ученых и историческими представлениями, сложившимися в общественном сознании. Во-вторых, педагогу-историку советуют формировать у школьников умение «видеть в себе другого», что фактически является одной из предпосылок личностного развития, самосовершенствования, самодостраивания личности с использованием культурного материала, наработанного «другими».

Как видим, в позиции Совета Европы по вопросу формирования «образа другого» на уроках истории четко просматриваются как концептуально-содержательные основания, так и процессуальные аспекты для решения данной проблемы.

Д. В. Суворов (Гуманитарный университет, Екатеринбург)

О мифологии политических угроз: опыт философско-исторического осмысления

Идейная составляющая исторического процесса автономна и в состоянии воздействовать на чисто материальные процессы. Это относится и к историко-культурной мифологии как составной части исторического процесса. Проблема звучит так: не могут ли чисто идеальные сущности (конкретно, мифы и идеологические штампы) формировать материальную сущность в области политической и культурной? Или: все ли угрозы, стоявшие и стоящие перед той или иной страной, имели и имеют под собой реальную основу – или же они могут возникать сперва в головах участников будущих конфликтов и только потом обрастают плотью и кровью? В конфликтологии такой вариант развития событий описан М. Дейчем как «ложный конфликт», объективные предпосылки которого отсутствуют: конфликт «виртуален», то есть существует только в голове конфликтующего, в силу ошибок восприятия и понимания ситуации.

Самый поверхностный анализ мировой и российской истории показывает, что огромный процент угроз (и, как следствие, военных кон-

фликтов) возникали вполне «по Дейчу» – носили чисто виртуальный характер, возникая не из-за каких-либо реальных причин, а вследствие различных идейно-мифологических симулякров. Можно сформулировать следующую посылку: подобных военных угроз в истории человечества – *большинство*. Таковы вообще любые вооружённые и политические конфликты, в которых забылся первоначальный инцидент-толчок и которые приобрели инерционное течение. Согласно классификации Л. Коузера, существуют конфликты: *предметные* (реалистические) – происходят «по поводу» (возможно, субъективному), направлены на преодоление причин конфликта; *беспредметные* (нереалистические) – абсолютно подсознательны, причина забылась, конфликт становится самоцелью. Особенность: предметные конфликты имеют тенденцию *спонтанно* переходить в беспредметные! Любой конфликт, приобретший характер беспредметного (а это, напомним, каждый конфликт, который не удалось потушить в ближайшие 3-4 дня!) выходит из-под контроля и начинает диктовать участникам собственные правила игры, когда все фигуранты рассматривают друг друга исключительно в качестве «исторического врага». В этом плане в отечественной истории нет никакой специфики. Виртуальные корни противостояния с Пруссией в Семилетней войне многократно и обстоятельно описаны. Русско-турецкие войны XVIII–XIX вв. диктовались для России единственно и исключительно... необходимостью отвоевать у Турции проливы и водрузить крест на святую Софию. Не случайно Д. Андреев и А. Солженицын – независимо друг от друга – квалифицировали политику Романовых в турецком («восточном») вопросе как стопроцентно абсурдную и объективно крайне вредную для национальных интересов России... Общеизвестны идеологические фантазмы Николая I, его донкихотская программа поддержки консервативного легитимизма (результат – Крымская война, а уже постфактум – «мудрые» мысли К. Леонтьева и Н. Данилевского об «исконной» вражде Запада к славянам!). Существуют весьма аргументированные концепции ряда русских историков (например – А. Керсновского) о том, что и Отечественная война 1812 года не была естественной во франко-русских отношениях того времени, а была спровоцирована английским и прусским лобби в Зимнем дворце. Такова же и затяжная «холодная война» Петербурга с Британской империей в XIX в., когда «русский медведь» и «британский лев» пугали друг друга друг другом... Вражда с Австро-Венгрией, приведшая к трагедии 1914 года – уже хрестоматия политического абсурда: тем более нечего было делить в 1914 г. Вильгельму II и Николаю II (и вверенным им империям). Что же касается советского периода, то вся коммунистическая идеология, с её сакрализованными концепциями «враждебного капиталистического окружения», «неизбежности победы коммунизма», «обострения классовой борьбы» и прочих общеизвестных идеократических заклинаний, просто структурировала матрицу противостояния практически со всем сопредельным миром (при таком положении дел «холодная война» была запрограммирована).

Когда сегодня обсуждаются те или иные военно-политические угрозы России, необходимо сразу ставить вопрос: реальны ли эти угрозы, имеют ли они какие-то объективные причины, или же они – результат инерции застарелых (возможно, даже исчерпанных или угасших) конфликтов либо сформировались в воспалённом воображении определённых (возможно, заинтересованных) кругов?

И ещё один принципиальный момент. В психологии и конфликтологии известна так называемая теорема К. Томаса: *«Если ситуация воспринимается как реальная, она реальна и по последствиям»*. При таком положении дел спокойно может состояться конфликтная ситуация стопроцентно виртуального характера, которая будет всеми восприниматься как имеющая объективные истоки, и на основании именно такого восприятия будут приниматься управленческие (в том числе стратегические военно-политические) решения! Примеров того, как власть имущие принимали катастрофические решения на основе заведомо ложных, сформированных искажённой перцепцией представлений о себе и мире, более чем достаточно.

Р. Н. Игнатьев (Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва)

Этнографическое описание современности и проблема «исторической памяти»

В докладе изложены проблемы, связанные с актуальным этнографическим исследованием, которое позволяет нам воссоздать более или менее полную картину социальных отношений в прошлом применительно к конкретному региону: методы и техника исследования; междисциплинарный подход; практическое значение и перспективы нашего знания локального своеобразия и структур.

Рассмотрена проблема «исторической памяти»: ее формирование и поддержание; стимулирование локальных инициатив; роль гуманитарного знания в ее сохранении и развитии.